

И.Ю. Жилина

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хотя российская экономика в предкризисные годы демонстрировала довольно высокие темпы роста, обеспечившие ее вхождение в первую десятку экономик мира по размеру ВВП, российский душевой ВВП составляет примерно треть американского показателя и около 45% душевого ВВП Германии, Франции, Великобритании (35, с. 158). «Главная потеря последних десятилетий – демодернизация российского экономического потенциала (производственного и инновационного), что привело к заметному росту сырьевой доли экономики и продолжению ее примитивизации» (13, с. 144). Отставание России от ведущих стран Запада, новых индустриальных стран стало принимать характер необратимого разрыва. Проводившиеся в стране реформы не только не привели к модернизационному рывку, но и отбросили страну далеко назад в технологическом, структурном и экономическом плане (12). Начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис только лишний раз подтвердил необходимость системной трансформации российской экономики и общества в целом.

В целом, констатирует Д. Белоусов, необходимость модернизации в последние годы стала практически консенсусом, поскольку, несмотря на 6–7%-ные темпы роста (с опережающей динамикой инвестиций, ростом доходов населения, постепенным снижением инфляции), модель экономики, как она сформировалась в предкризисный период, оказалась стратегически исчерпанной (4, с. 138).

Актуальность модернизационного проекта для страны в немалой степени связана также с трансграничным геополитическим и цивилизационным положением России. Контроль над рядом

сырьевых, в частности энергетических, ресурсов превращает ее в объект для самого серьезного давления при том, что борьба за эти ресурсы, по мнению большинства экспертов, будет определять мировую политику в первой трети XXI в. (14).

Активное обсуждение проблемы было инициировано публикацией в сентябре 2009 г. программной статьи Президента РФ Д. Медведева «Россия, вперед!», ставшей своего рода манифестом модернизации. В ней президент определил пять стратегических векторов экономической модернизации страны (развитие энергетики, ядерных технологий, информатики, космических и медицинских технологий и оборудования), что позволит России «стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: “умной” экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности» (15). Хотя основные тезисы статьи впоследствии многократно озвучивались и развивались, и сегодня проблема модернизации вызывает в научной среде и обществе принципиальные споры. Складывается впечатление, что стратегия модернизации вообще не была продумана и ее содержательное обсуждение только начинается. В данном обзоре делается попытка представить восприятие модернизации экспертным сообществом и гражданами страны и ее перспективы.

Теории модернизации

Теории модернизации, зародившиеся в 1950-е годы, являются продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Они отразили сложившееся разделение человеческого общества на три «мира»: развитые индустриальные общества, включая Западную Европу и США; авторитарные «социалистические» общества во главе с СССР, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; постколониальные общества юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии» (49). Ранние теории модернизации реконструировали историю развития Запада и базировались на либеральной вере в гарантированный прогресс, а также в универсальность американских ценностей, которые распространяются во всем мире (14).

Основополагающими категориями теории модернизации являются понятия «традиционное общество» и «современное общество». Классическая модернизационная теория определяет модер-

низацию как переход от традиционного общества к современному (modern society, modernity). Оно отличается от традиционного ориентацией на инновации и преобладание инноваций над традицией; светским характером социальной жизни; поступательным (нециклическим) развитием; демократической системой власти; способностью производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальным характером; массовым образованием и рядом других характеристик (27).

За свою 60-летнюю историю общая теория модернизации прошла длительную эволюцию, радикально меняя свою направленность и структуру. Период ее популярности в классической, первоначальной форме приходится на 1950-е – середину 1960-х годов. Ранние теории модернизации, базировавшиеся на либеральной вере в гарантированный прогресс и универсальность американских ценностей (14), трактовали модернизацию как линейный переход ряда стран на путь индустриализации. Американские и британские специалисты (Т. Парсонс, А. Гершенкрон, Зб. Бжезинский), беря в качестве образца западное индустриальное общество, доказывали, что модернизация является неизбежным процессом, имеющим одни и те же закономерности и стадии развития для всех стран и народов.

В начальный период развития в общей теории модернизации уделялось серьезное внимание политической составляющей модернизационных процессов. Поэтому модернизация рассматривалась и как стадия общественных преобразований, и как процесс перехода к современным обществам (47, с. 16). При этом с момента возникновения теории модернизации ее создатели активно использовали междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию общественного развития.

Второй этап развития теории модернизации относится к 1970-м – середине 1980-х годов. В этот период она была подвергнута сильнейшей критике вплоть до полного отрицания (49). Прежде всего подчеркивались нелинейность и многомерность исторического развития, осуществляющегося разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются. Ряд страноведческих исследований показал, что модернизация традиционного общества может протекать в рамках национальной традиции и не во всех случаях сопровождается ее радикальной ломкой. Напротив, традиция порождает специфически национальные формы модернизации.

Кроме того, стало очевидно, что попытки модернизировать общество не приводят к обещанным результатам. Нищету в отсталых странах преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли и новые формы религиозного фундаментализма и национализма (5). Оппоненты ставили под сомнение и строгую последовательность стадий модернизации.

К середине 1980-х годов, когда был накоплен как положительный, так и отрицательный опыт большого числа стран «третьего мира», реализовавших разнообразные проекты развития (как по западному, так и по социалистическому образцу), сложились теоретические представления, пригодные для обоснования относительно внеидеологизированной модернизационной политики. К этому же периоду относится и философское осмысление этой теории, которое позволило расширить пространство анализа, включив в него практически все страны мира, а не только развивающиеся (14).

Третий этап в развитии теории модернизации, начало которого приходится на вторую половину 1980-х годов, характеризуется сложностью и противоречивостью. Окончательно складывается концепция «модернизации в обход модернити», признававшей значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества; делался акцент на устойчивости ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни; признавалась большая вариативность институциональных, символических, идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают понятию модернизации (5).

В конце 1980-х годов появляются новые версии теории модернизации: «неомодернизация» и «постмодернизация».

В общем виде представления сторонников неомодернизации сводятся к следующему. Модернизация является результатом действий индивидов и коллективов, а не продуктом автоматического развития системы. Поэтому они должны искать новые пути достижения своих целей и реализации ценностей. Однако возможность достижения целей зависит от располагаемых ресурсов.

Постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где само-

стоятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется большой простор (27).

В теории модернизации выделяется два типа. При оригинальной (органической) модернизации переход к рациональному общественному устройству происходит в результате длительного внутреннего развития. Неорганическая (догоняющая, запаздывающая – сегодня чаще употребляются именно эти термины) модернизация характерна для стран, отставших в своем развитии и пытающихся догнать передовые за счет заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, привлечения зарубежных инвестиций. Соответственно меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т.д. Догоняющая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики.

Догоняющая модернизация подразделяется на три типа.

- Приближение изначально незападного общества к западному (вестернизация). К этому типу относятся реформы Петра I в России, «Революция Мэйцзи» в Японии, реформы М. Кемаля в Турции.

- Попытка вписаться в западноцентричный мир за счет эксплуатации сырьевых ресурсов (Латинская Америка, нефтедобывающие арабские страны Персидского залива).

- Попытка достичь военного и технологического паритета при сохранении социальной и политической самобытности (индустриализация в СССР).

Органическая модернизация присуща странам первого эшелона развития капитализма. Все этапы развиваются естественным, эволюционным путем без форсирования процессов со стороны государства (США, Западная Европа). Догоняющая модернизация – страны второго эшелона капитализма (Россия) – форсирование модернизации со стороны властей, что приводит к некоторым деформациям в развитии капитализма. Иначе говоря, органическая модернизация происходит «снизу», а неорганическая – «сверху» (16).

В политическом плане различают либеральную и консервативную модернизации. Для либералов успешное развитие и модернизация связано со степенью вовлеченности рядовых граждан в систему представителей демократии и возможностями для открытой и безопасной конкуренции внутри правящей элиты за голоса избирателей, а по мнению консерваторов, модернизация требует высокоцентрализованных, политических институтов, жесткого режима, способного обеспечить стабильность, порядок, интеграцию общества.

Как понимает модернизацию экспертное сообщество

Идущие уже больше года дискуссии о модернизации показывают, насколько различны мнения о том, что такое модернизация, какие области жизни она должна охватывать, а какие – что не менее важно – не должна, кто и как должен ее осуществлять. Согласие, пожалуй, существует только по вопросам о целях модернизации. Практически все участники дискуссии согласны с тем, что основными целями социально-экономического развития являются обеспечение высокого качества жизни, создание современных демократических институтов и развитого гражданского общества, поддержание высокого престижа России в мире.

По мнению большинства экспертов, для достижения этих целей необходимо: расширение частной инициативы и конкуренции; эффективная социальная и промышленная политика; налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества; сильное (но не чрезмерно сильное) государство; повышение качества институтов (защищенность прав собственности, независимость и неподкупность судей, снижение уровня коррупции, укрепление законности, улучшение качества государственного управления); обеспечение высокого уровня человеческого капитала; создание инновационной экономики (34, с. 5).

Официальная точка зрения как самого Д. Медведева, так и в еще большей степени В. Путина и «единороссов» предполагает консервативную по содержанию, ненасильственную по методам, демократическую с точки зрения опоры на сложившиеся национальные демократические институты модернизацию. Это предполагает эволюцию, а не слом политической и социально-экономической системы (7).

Определения модернизации

В свою очередь В. Тамбовцев отмечает, что водораздел в трактовках модернизации проходит по линии: модернизация российского общества в целом, включая экономику, социальную сферу и политическую систему, что соответствует классическому понятию модернизации; либо модернизация только экономики или даже еще более узко – модернизация технологической базы экономики.

Власти, провозгласив модернизацию, понимают ее прежде всего в технико-технологическом смысле, аргументируя свою позицию тем, что российское общество, пройдя через коллективиза-

цию и индустриализацию, не является традиционным и поэтому в модернизации не нуждается (30; 45).

Судя по словам председателя РСПП, который понимает модернизацию экономики как создание процесса обновления производства и постоянной ориентации на потребителя, совершенствования производства (36, с. 25), по крайней мере часть бизнес-сообщества также ориентируется на ее технологическую составляющую.

Одни специалисты при этом указывают на политическую ангажированность модернизационных проектов, другие трактуют их как чисто технократические. Так, И. Дискин отмечает, что «модернизация всегда представляет собой некий политический проект, а не продукт предшествующего “естественного” развития. Проекты, подаваемые как технократические, политически нейтральные, на деле далеко не таковы. Продвигающим их политическим силам зачастую не с руки акцентировать идеологическую и политическую подоплеку преобразований» (14).

Сходной точки зрения придерживается и В. Тамбовцев, полагающий, что за любым модернизационным решением всегда стоят конкретные политики. Именно поэтому долгосрочные модернизационные проекты в условиях мягких политических режимов в случае обнаружения в них ошибок не пересматриваются (политики боятся потерять лицо), а тихо забываются, уступая место еще более модернизационным (45).

В свою очередь В. Иноземцев рассматривает модернизацию как чисто технократический проект: ее первые шаги он видит «в повышении хозяйственной, а не политической свободы, так как (что давно признано западными исследователями) зрелые демократические режимы чаще вырастают из либеральных автократий, чем из нелиберальных демократий» (иноземцев, хлеб нужнее). Он уверен, что «российская модернизация, если она вообще произойдет, начнется с экономики, а не с политических перемен» (17).

Предлагаемые специалистами определения включают различные интерпретации понятия «модернизация». Так, Т. Гурова, определяет модернизацию как «планируемый и управляемый процесс преобразования социально-экономического уклада какой-либо страны при активном внедрении в хозяйственную жизнь современных форм и технологий экономической деятельности». При этом модернизация является процессом плановым и управляемым. Приступая к ее осуществлению, необходимо адекватно оценивать современные экономические тренды в мире и экономические возможности страны, а план и идея модернизации должны соответ-

воватъ естественнo складывающимся в странe экономическим и технологическим силам и трендам, развивать их, а также давать преимущества передовым, но достаточно широким социальным слоям (29, с. 38–39).

Модернизация «сверху» или «снизу»

Опираясь на опыт предшествующих российских модернизаций¹, который показывает, что в России они инициировались, направлялись и осуществлялись государством, большинство экспертов основную роль в формировании стратегии современной российской модернизации отводят именно государству, полагая, что модернизация должна проводиться «сверху».

Эксперты ЦИПО считают, что в России модернизация по инициативе государства вообще является единственно возможным вариантом, отмечая, что «только так начинались (и в дальнейшем развивались) все успешные модернизационные преобразования – от Японии до Бразилии, от Франции до Республики Корея, от царской России и Советского Союза до современного Китая. Ни в одной стране мира модернизация не была естественным процессом,

¹ Россия вступила в модернизационный процесс так же, как и большая часть европейских стран, в XVII в., однако свой «фирменный стиль» российская модернизация обретает при Петре I – создателе регулярной армии, Табели о рангах, новой административной системы, Академии наук, инициаторе языковой реформы (алфавита и литературного языка). Именно эти и им подобные социальные проекты предопределили «модернизационный прорыв» Петровской эпохи, тогда как ее успехи в технической и экономической сферах в значительной мере продолжали опыт предшественников. Преемники Петра, по большей части, мыслили себя продолжателями его проекта. В результате в начале XX в. Россия стояла на пороге общества модерна и современного национального государства, т.е. сформировала базовые шаблоны современной социализации (инфраструктурный каркас общества модерна), но не успела распространить их на все общество, т.е. полностью «ассимилировать» собственное общество в состояние модерна.

СССР в значительной мере продолжил модернизационную траекторию царской России. При этом, с одной стороны, были катастрофически «обрублены» некоторые линии развития, с другой – в опыт отечественного модерна были привнесены такие черты, как массивная индустриализация, урбанизация, система всеобщего социального обеспечения, всеобщего образования, развития научного знания, массовая идеология и массовая партия (как основа управления, социальной мобильности и социального контроля). В целом, советское общество было оригинальной версией развитого общества модерна, что признавалось добросовестной частью его идеологических и геополитических оппонентов (37).

не выступала логичным ответом частного сектора на мировые экономические вызовы, не проводилась без прямого и непосредственного вмешательства государства в экономику» (38, с. 24–25). При этом опыт показывает, что модернизации органические, опирающиеся на нацию, как правило, успешны, а успех авторитарных модернизаций очень кратковременен (29, с. 39).

Такого же мнения придерживаются О. Гаман-Голутвина, отводящая роль проводника модернизации госструктурам, особенно учитывая, что власти готовы софинансировать инновационные проекты и облегчать налоговое бремя для заинтересованных. «Для развития модернизации очень важен импульс сверху, – полагает М. Ремизов. – Если вспомнить историю (к примеру, Петровскую эпоху или Францию времен Кольбера), то именно государство форсировало развитие, когда понимало, что дальнейшее бездействие может привести к краху» (23).

Для подтверждения этого тезиса В. Тамбовцев ссылается на то, что ряд проектов модернизации (история города Бразилиа, спроектированного Ле Корбюзье, идеальные «государственные деревни» в Эфиопии и коллективизация в СССР) привели к негативным результатам из-за того, что власть «забывала» спросить у людей, чего они хотят, полагая, что это известно только ей. В. Тамбовцев также подчеркивает, что хотя такие проектные модернизации как промышленная революция Петра I и индустриализация действительно обеспечивали технологические изменения в индустриальную эпоху, это не значит, что технологии в XXI в. можно модернизировать теми же методами. Это связано с уплотнением и соответственно увеличением скорости обновления инновационного потока в наши дни (45).

На ошибочность и архаичность модернизации «сверху» указывает также Н. Петров (фонд Карнеги), отмечающий, что «можно производить инновации, но невозможно заставить их потреблять». К тому же нельзя игнорировать территориальный аспект. 140 млн. человек рассредоточены на громадной территории, поэтому о модернизации пока можно говорить лишь как об «очаговой» (23).

Институты или экономический рост?

Среди специалистов существуют довольно серьезные разногласия в связи с вопросом о том, должна ли стратегия модернизации опираться главным образом на методы и инструменты стиму-

лирования экономического роста, либо следует сосредоточить усилия на совершенствовании институтов (34, с. 5).

Хотя необходимость совершенствования институтов практически никем не отрицается, ряд экономистов считают, что пока не будет экономического роста, не будет и модернизации. Взяться за модернизацию можно, уверен академик В. Ивантер, лишь после того, как страна выйдет на траекторию в 7–8% экономического роста (23).

Той же точки зрения придерживается и В. Полтерович, отмечая, что через 10–15 лет быстрого экономического роста (желательно порядка 8% в год) Россия выйдет на нижний уровень (будущего) европейского душевого ВВП, или примерно 50% от США. Тогда ситуация радикально изменится: в стране будет значительный средний класс – основа для движения к демократии и Россию, скорее всего, перестанут бояться, что очень важно (19).

Подчеркивая взаимосвязь между институтами и ростом, он также отмечает, что «поддерживая в течение определенного времени быстрый рост за счет промежуточной (переходной) системы институтов, мы сумеем улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся» (34, с. 24).

Вместе с тем сегодня в мире не существует ни одной страны с уровнем душевого ВВП более 18 тыс. долл. по паритету покупательной способности, в которой уровень институционального развития соответствовал бы российскому или был ниже. По всей видимости, это означает, что институциональное отставание не может беспредельно увеличиваться и при определенном уровне развития страна столкнется с ситуацией, когда без институциональных изменений дальнейший рост невозможен (46).

Сторонником поддержания высоких темпов экономического роста является Д. Белоусов. Из трех предлагаемых им стратегий модернизации России (индустриальная – попытка максимизировать темпы экономического роста и обеспечить «динамическую стабильность» экономики за счет ее максимальной диверсификации и возникновения новых центров экономического роста на фоне исчерпания финансовых резервов; постиндустриальная – попытка «перепрыгнуть» через позднеиндустриальный этап развития; либерально-консервативная – сохранение сложившейся структуры экономики с доминированием энергосырьевых компаний), самой

оптимальной, по мнению самого разработчика, является стратегия индустриальной модернизации.

Хотя такая стратегия достаточно сложна с точки зрения администрирования, что связано с реализацией крупномасштабных проектов в рамках государственно-частного партнерства, управления инновационным процессом, реформы системы институтов, именно она обеспечивает наиболее высокие темпы экономического роста, которые к 2017 г. достигнут 6,6% (3, с. 15–16). Однако такой сценарий может быть реализован лишь при условии формирования в ходе взаимодействия государства (федерального центра), крупных компаний и представителей развивающегося слоя частного бизнеса (4, с. 140). Такой подход нашел поддержку у В. Иноземцева, по словам которого два других сценария даже нельзя назвать вариантами. Они не принесут никаких позитивных изменений (39).

Сторонники «институциональной модернизации» делают упор на институциональные реформы, направленные на улучшение государственного управления и судебной системы, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала и т.п.

При этом, по мнению И. Дискина, опыт зарубежных стран в проведении модернизации свидетельствует о том, что успешными были только те модернизации, в которых учитывалась институциональная компонента. Именно успех институциональных преобразований позволяет удерживать изначальный курс модернизации, дает возможность реализовывать проект, корректировать его с учетом реалий, а не превращать в «крестовый поход». «Если институты эффективны, то модернизация будет иметь успех, если нет, то нет», т.е. необходимо использовать «эффективные институциональные преобразования для решения актуальных проблем развития в наличных специфических социально-исторических условиях» (14).

Институциональный подход характерен для группы экономистов «СИГМА», Института современного развития (ИНСОР), с которым «СИГМА» активно сотрудничает.

Суть позиции «СИГМЫ» в изложении ее участников сводится к следующим положениям.

Реальный выбор стратегий развития на обозримое будущее невелик:

– рантье – максимизация ренты от природных ресурсов и ее перераспределение в форме социальных трансфертов населению;

– мобилизация – концентрация ресурсов государством и их перераспределение в пользу выбранных по геополитическим мотивам приоритетных направлений (инфраструктура, энергетика, авиастроение, нанотехнологии и т.п.), которые должны создать потенциал для надежной обороноспособности и повышения качества жизни населения;

– инерция – маневрирование между группами интересов, борющихся за доступ к ресурсам, акцент на меры тактического характера, приоритет экономической и политической «стабильности» над болезненными преобразованиями, необходимыми для развития;

– модернизация – поэтапное формирование общественных коалиций для глубокой модернизации институциональных механизмов, отвечающих за инновационную и инвестиционную активность, качество общественных институтов и государственного управления (подробнее см.: 21, с. 69–81).

Понимая модернизацию не как набор инвестиционных проектов, которые сами по себе могут быть полезными и успешными, а как трансформацию общества, в частности укрепление гражданского общества, бизнеса и государства, авторы отмечают, что в ранее подготовленных и принятых программах развития игнорировались группы интересов российского общества, что является фундаментальной причиной их неудач. Как сами программы, так и механизмы реализации и ресурсы, применяемые для их реализации, затрагивают интересы различных групп, вызывая ответную реакцию (поддержку, сопротивление, безразличие, имитацию), т.е. каждой стратегии соответствует своя коалиция.

Для достижения всесторонней модернизации страны необходимо создать Большую Коалицию для Будущего, определить структуру стимулов ее участников. Последние должны сознавать невозможность полной реализации всех своих интересов одновременно и сразу без ущерба для других, и направить свои усилия на обновление гражданского общества, бизнеса и государства (20).

По мнению членов «СИГМЫ», три первых сценария являются тупиковыми, а наиболее желательным, но не наиболее вероятным в силу трудности его реализации для всех участников является модернизационный сценарий (21, с. 14).

Для проведения модернизации необходимо четко понимать, кто будет ее осуществлять и какие у этого субъекта, действующего в собственных интересах, сложатся отношения с прочими. Первостепенную роль при этом играет механизм компенсации – пере-

распределения выгод и издержек субъектом так, чтобы трансформация оказалась возможной и не тормозилась ее противниками. Получаемой выгоды должно быть достаточно для компенсации не всем, а лишь влиятельным группам противников.

Развивая идеи, изложенные в работах «СИГМЫ», президент Института национального проекта «Общественный договор» А. Аузан выводит уникальную для каждой страны формулу модернизации, которая включает следующие элементы: учет социального и культурного капитала страны наряду с обычно учитываемыми ресурсами; проектирование формальных институтов с учетом структуры неформальных институтов, несущих в себе национальную специфику; балансировка формальных и неформальных институтов через ценности. При этом вход в модернизацию определяется принципом дополнительности, т.е. развитием тех ценностей, которые несвойственны инерционному историческому движению страны (1, с. 136).

Экономическую и финансовую модернизации предлагается начать с изменения сложившейся системы институтов, системы выработки и принятия экономических решений с опорой на гражданское общество при выработке планов инновационного развития. Первыми шагами в этом направлении являются дерегулирование экономики, ее дебюрократизация через деэкономизацию бюрократии, т.е. радикального пресечения получения дохода за выполнение государственных функций и публичных услуг, ликвидации системы аффилированных окологосударственных предприятий (40, с. 12); сокращение возможностей создания рент на уровне органов исполнительной власти; повышение качества человеческого капитала, обеспечение возможности развития инновационного бизнеса в любой отрасли или любом регионе, а не только в разнообразных «зонах»; структурная модернизация финансовой системы, стабильность и внятные перспективы развития которой облегчат проведение реструктуризации реального сектора экономики, позволят использовать национальные сбережения внутри страны (40, с. 61–62). Авторы ратуют за конкурентную среду, пресечение рейдерства, скрытой национализации, за работу бизнеса «в белую» (40, с. 35).

В социальной сфере предусматривается жестко увязать увеличение расходов с повышением их эффективности, в первую очередь в системе здравоохранения, в которой до сих пор не выбрана оптимальная для России модель; отделить пенсионное обеспечение от пенсионного страхования. Первая сфера должна включать в себя материальное обеспечение нынешних пенсионеров и тех, кто выйдет на пенсию в ближайшие 10–15 лет. Они уже не попадают в

сферу пенсионного страхования, в которой размер будущей пенсии напрямую зависит от суммы накопленных за трудовую жизнь взносов как в государственные, так и негосударственные пенсионные фонды. Поэтому система пенсионного обеспечения должна финансироваться из федерального бюджета, в котором для этого требуется создать специальный фонд. Его доходы могут формироваться, помимо налогов, за счет средств, полученных от приватизации государственной собственности, а также от ее коммерческого использования (40, с. 59–60). Правда, авторы не называют конкретных сроков реализации своих предложений.

Доклад ИНСОРа вызвал оживленную дискуссию в экспертном сообществе. Одни видят в нем путь к светлому будущему, другие – призыв к дестабилизации. По оценке генерального директора Агентства экономических и политических коммуникаций Д. Орлова, «этот доклад не анализирует реальное состояние страны и ее институтов, он предлагает некий политический идеал авторов доклада. Он утверждает, что «в стране нет ни одной значимой силы, которая могла бы эту программу взять на вооружение, а главное, нет такого запроса со стороны общества... Цель этого доклада – текущая дестабилизация политической системы. Никаких долгосрочных и созидательных целей у него нет» (цит. по: 2, с. 11).

Наиболее острой критике подвергаются утверждения о том, что экономическая, а тем более инновационная модернизация невозможна без социально-политической; что демократизация должна предшествовать модернизации.

Отвечая критикам, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Е. Гонтмахер подчеркивает, что авторы доклада не призывают сначала реформировать политическую систему и только потом приступить к модернизации экономики. Начать менять жизнь нужно во всех сферах одновременно, но, конечно, с разной скоростью и в разных формах (10).

В целом «образ желаемого завтра», представленный в докладе, подразумевает движение по европейскому пути, по которому сегодня идет развитый мир – Европа, США, Австралия, даже Япония. Альтернативных вариантов, полагает Е. Гонтмахер, нет. Особо, в частности китайского, пути не существует. Даже китайские эксперты признают, что через три-четыре десятилетия Китай придет к демократии европейского типа (9).

Практически все сторонники доклада согласны с тем, что именно по этому пути России и следует идти, хотя раздаются предложения (Т. Гурова) адаптировать европейскую демократию к

имперской по масштабам и традициям стране (29, с. 60). С этим категорически не согласен В. Иноземцев, утверждая, что России нужно двигаться в сторону Запада, а не «искать каких-то имперских идентичностей» (43).

Серьезный интерес представляет независимый экспертный доклад «Модернизация России как построение нового государства» (Экспертный доклад) (37), авторы которого также в целом стоят на позициях институционализма. Позиция его авторов, как, впрочем, и позиция «СИГМЫ», во многом сходна с позицией ИНСОРа.

Они исходят из того, что в современной России традиционное общество было разрушено в ходе нескольких предшествующих модернизаций, поэтому России придется стать пионером построения общества модерна из общества потребления, существующего на обломках прежних модернизационных проектов. Это потребует масштабных, фундаментальных реформ сразу в нескольких сферах (высшее и среднее образование, научное развитие, государственная служба, военное строительство, правоохранительная система, судопроизводство, массовая культура и идеология).

При этом авторы считают ошибочным представление о модернизации как об однократном проекте, который, в случае успеха, заведомо не нуждается в повторении или возобновлении: модернизационные усилия государства должны быть перманентными. Сформировавшееся общество модерна должно сохранять способность к ревизии собственной системы институтов и – при необходимости – к их реконструкции.

Хотя, по мнению авторов, либеральная демократия не является необходимым и, тем более, достаточным условием модернизации: модернизация в России вряд ли может обойтись без политической реформы, которая важна как фактор формирования модернизационной элиты, создания механизмов вертикальной социальной мобильности, выработки эффективной модели управления модернизационным процессом. Авторы ратуют за активизацию механизмов внутри- и межпартийной конкуренции; увеличение полномочий парламента, в том числе кадровых (по обсуждению и утверждению / назначению кандидатур членов правительства, руководителей иных государственных и государственно-корпоративных структур) и контрольных (механизмы парламентского расследования, механизмы контроля над использованием государственной собственности, деятельностью стратегически важных корпораций и т.д.).

Поддерживая тезис сторонников институционального подхода к модернизации о том, что ее стратегия должна уже на стадии разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон, В. Полтерович предупреждает, что на создание структур развитого гражданского общества необходимо время, поэтому надо использовать уже сформировавшиеся в России коалиции. «Площадкой» для взаимодействия могла бы стать система индикативного (интерактивного) планирования – модернизированный аналог систем, применявшихся в большинстве стран «экономического чуда» (34, с. 6).

Как показывает опыт, интерактивное планирование – это институт, который, в принципе, может работать в несовершенной институциональной среде. Такая система создает стимулы для создания объединений и ассоциаций, ускоряет развитие гражданского общества. Открытый характер обсуждений, относительная прозрачность процедур отбора проектов для государственной поддержки сужают возможности лоббирования и коррупции и стимулируют модернизационную активность. Однако для становления СИУР нужна сплоченная команда руководителей, верящих в успех (35, с. 161).

Постиндустриализм или неоиндустриализм?

Хотя руководство страны ориентируется скорее на построение постиндустриального общества, многие специалисты считают, что при практически полном отсутствии в стране производств V технологического уклада (ТУ) «перескочить» в постиндустриальное общество не удастся. «Инноватизация без модернизации», т.е. попытка формирования постиндустриальных секторов экономики без реконструкции ее индустриального каркаса, в лучшем случае, приведет к формированию крайне узкого, анклавного «постиндустриализма». Страна не может сформировать полноценную экономику знаний, если не использует эти знания в собственном производственно-практическом опыте. Она не сможет обеспечить поступательное развитие всего общества без развитой на современном технологическом уровне индустриальной системы (37). Поэтому «новая индустриализация» является одним из важнейших аспектов модернизации.

Последовательным сторонником «новой индустриализации», т.е. создания конкурентоспособной промышленности, прежде всего машиностроения, судо-, авиа- и автомобилестроения, производства

товаров народного потребления и электронной промышленности, выпускающих продукцию большинства товарных позиций, является В. Иноземцев.

Хотя в России принято считать, что промышленно развитые страны давно занимаются исключительно разработкой технологий, это далеко не так. Исследования, проведенные в Институте прикладной математики РАН, показали, что отраслевая структура промышленности наиболее успешно развивающихся стран (в основном членов ОЭСР) в ходе развития сближались. Это позволило сформулировать «правило одной пятой и половины»: в структуре современной экономики на обрабатывающую промышленность должно приходиться 20%, на финансы – 25, услуги – 22%. При этом в обрабатывающей промышленности на высокотехнологичный сектор должно приходиться 20%, на среднетехнологичный – 30%. Поэтому важнейшим инструментом управления экономикой является промышленная политика, направленная на структурные сдвиги, ведущие к оптимальным пропорциям для основных областей хозяйства. Часть промышленного и сельскохозяйственного производства независимо от уровня развития «экономики знаний» необходимо иметь внутри страны (24).

В России же сложилась аномальная экономика, подобная той, что существует только в арабском мире. Необходимо устранить этот перекося, развивая промышленность, а по мере ее развития возникнут предпосылки для каких-то серьезных технологических прорывов. Прежде всего нужно создать ту часть экономики, которая породит спрос на инновации, который сегодня практически отсутствует. Пока он не появится, положительных результатов в сфере инноваций не будет. Поэтому модернизация России должна стать модернизацией промышленности с параллельным обновлением инфраструктуры и лишь в отдаленном будущем – инновационной модернизацией (18; 35, с. 158).

Мысль о необходимости создания мощных производительных сил по всей стране, а не проведения анклавной модернизации, поскольку существование инновационных сегментов не имеет смысла, если не заниматься развитием современной индустрии в целом, содержится и в представленном на Мировом политическом форуме докладе Института общественного проектирования (ИНОП) (29).

Д. Белоусов также утверждает, что масштабы проблем требуют технологической модернизации широкого спектра обрабатывающих производств, не только высоко-, но и среднетехнологичных. В этой ситуации «анклавная модернизация» представляется,

скорее, риск-сценарием, поскольку, вероятно, не только не создаст достаточных условий для преодоления сформировавшихся ограничений экономического развития, но и будет способствовать закреплению стратегически тупиковой модели «разомкнутой инновационной системы» (3, с. 13).

В свою очередь коллектив авторов из ИМЭМО РАН (28) советует не противопоставлять два основных ресурса роста хозяйства: стратегические инновации и сырьевые ресурсы, преобразованные в высоко конкурентоспособные продукты конечного потребления на внутреннем и мировом рынках, которые в перспективе совместно обеспечат экономический рост в России. В реальной экономике необходимо решать проблемы диверсификации в рамках как инновационных видов экономической деятельности, так и внутри сырьевого сектора. При этом важно определить приоритеты развития инновационной и сырьевой составляющей хозяйства как по стране в целом, так и по регионам и субъектам РФ, отличающимся большим разнообразием сочетаний этих ресурсов развития.

Догонять или опережать?

Многие специалисты полагают, что единственным шансом России провести новую индустриализацию, а затем выйти на путь инновационного развития является заимствование западных технологий. Такую точку зрения последовательно отстаивает, в частности В. Полтерович.

По его мнению, теория и исторический опыт говорят о том, что попытка догнать развитые страны с помощью «инновационного прорыва» обречена на неудачу. В России, как и в других странах аналогичного уровня развития, фирмы за редким исключением не предъявляют спрос на инновации: им выгоднее заимствовать. Задача заимствования проще и связана с меньшими издержками, чем разработка «принципиально нового».

Успех политики заимствования зависит от абсорбционной способности страны, т.е. умения распознавать ценность новой внешней информации, усваивать ее и применять для коммерческого использования. Для успеха догоняющего развития и перехода к инновационному развитию ее необходимо повышать с помощью следующих инструментов: регулирование импорта нового оборудования и технологий, покупка лицензий и тарифная политика; регулирование прямых иностранных инвестиций в отечественную

экономику и за рубеж, а также процессов формирования совместных предприятий; стимулирование аутсорсинга; освоение новых методов организации производства в результате конкуренции на мировом рынке; интенсификация взаимодействия с зарубежными специалистами: обучение и стажировка за рубежом, приглашение зарубежных преподавателей, совместные исследования; предотвращение утечки мозгов, стимулирование возвращения россиян, получивших образование или опыт работы на Западе; политика прямой государственной поддержки заимствований (приобретение патентов, финансирование центров трансфера технологий); стимулирование развития исследовательских отделов крупных фирм. При этом и теория, и опыт стран «экономического чуда» показывают, что в процессе заимствования решающая роль принадлежит крупным фирмам (32, с. 25–27; 33).

В. Полтерович считает, что попытки правительства идти против рынка, навязывая ему «инновационную стратегию», могут привести лишь к дальнейшему снижению эффективности. Немногие предприятия, способные получать прибыль от освоения принципиально нового, сосредоточены в нескольких передовых регионах и работают почти исключительно на экспорт. Остальные оказываются на периферии государственного внимания. Это ведет к разобщенности бизнеса и государства, к обилию незавершенных инициатив и масштабным издержкам. В модернизационном проекте продолжает доминировать концепция «точек роста», реализуемая в форме поддержки государством априорно отобранных «приоритетных» направлений. При этом даже не рассматривается вопрос о механизме влияния выбранных «приоритетов» на экономику в целом (35, с. 158).

Кардинально противоположной точки зрения придерживается академик С. Глазьев, который считает, что, исходя из закономерностей долгосрочного экономического развития, России нужно делать ставку на опережающее развитие. Догоняющая модернизация, догоняющее развитие, попытка следовать по уже проложенным технологическим траекториям – это путь в тупик, потому что страны-последователи, как правило, никогда не догоняют лидеров.

По его мнению, любой уже сформировавшийся, достигший насыщения ТУ потребует все больших затрат и даст меньше прибыли, которая в конце концов станет отрицательной, в то время как лидеры научно-технической гонки наращивают превосходство. И вход в эту технологическую траекторию для новичков оказывается все более дорогостоящим и экономически рискованным. Про-

изводства же принципиально нового технологического уклада существенно менее затратны, чем предыдущего.

Поэтому именно сейчас, когда траектории VI ТУ еще не сформировались и идет конкуренция альтернативных технологий, у России есть шанс захватить лидерство на перспективных направлениях становления нового ТУ и тем самым «оседлать» восходящие потоки новой длинной волны экономического роста (8).

Несколько иного, можно сказать промежуточного, подхода придерживаются авторы Экспертного доклада. Они считают, что наряду с импортом промышленных технологий, когда он осуществим на приемлемых политических финансовых и иных условиях, необходимо формировать национальную инновационную систему, опираясь на остатки советского научно-технического потенциала. Широкая ориентация на импорт создаст не догоняющую, а вечно отстающую индустриализацию (37).

Рассматривая технологическое взаимодействие России с Западом на многочисленных примерах сотрудничества с европейскими компаниями, Т. Гурова выделяет три типа такого взаимодействия.

Первый – наиболее явный и масштабный – чаще всего применяется при осуществлении государственных проектов. В подобных случаях чаще всего реализуются простые схемы интеграции: либо покупка технологичных продуктов, либо совместные предприятия, где контрольный пакет или сразу, или с течением времени переходит к европейской компании (29, с. 46).

Второй путь реализуется частными или региональными субъектами: российские компании города или губернии, чувствуя дефицит компетенций, сами ищут западных партнеров и либо создают совместные предприятия, либо привлекают их в качестве подрядчиков. Причем если в первые годы рынка речь чаще шла о совместных предприятиях, то сегодня – о тех или иных формах подряда.

Третий вариант – продажа состоявшихся бизнесов европейцам. Это явление не менее распространено в среде среднего бизнеса, чем поиск западных партнеров и связано, как правило, с недостаточной финансовой мощью российских компаний. Все чаще в этих случаях Россия предоставляет не только большой рынок, но и новые технологические решения.

Таким образом, сегодня существуют три варианта получения доступа к технологиям: легкая и масштабная модернизация текущих технологий; долгий путь абсорбции западной культуры и выращивания собственной культуры; продажа качественных активов (29, с. 47).

Некоторые эксперты отмечают, что внутренний российский рынок недостаточен для того, чтобы обеспечить высокие количественные и качественные параметры промышленного роста, а также, что импортозамещение не будет долгосрочно успешным без ориентации на внешние рынки. В то же время не стоит забывать, что внешние рынки промышленной продукции заняты, «затоварены», и одним из главных факторов конкурентоспособности на них является дешевая рабочая сила.

Таким образом, выбор в пользу экспортно ориентированной индустриализации означает поддержание режима искусственной бедности населения, что недопустимо не только с политической и этической точек зрения, но и с точки зрения эффективности, поскольку бедное население может быть производительным, дисциплинированным, трудоспособным только на выходе из традиционного общества. В России высокую производительность труда может дать только «европейский», а не «азиатский» подход к рабочей силе, т.е. ставка не на ее дешевизну, а на ее квалификацию, инновационность, производительность. Это означает, что приоритетной на данном этапе, особенно учитывая стагнацию западных экономик, должна быть ориентация на внутренний рынок (масштабное импортозамещение) с ориентацией на преодоление его региональной «разорванности» (37). Тем более, что даже в современной России уже есть примеры удачной модернизации отрасли на основе развитого внутреннего спроса. Так, металлургическая отрасль к 2010 г. смогла полностью решить проблему производства высококачественных труб, вытеснив импорт и заняв собственный огромный рынок (27, с. 48).

Вместе с тем, считают авторы Экспертного доклада, экономическая стратегия неоиндустриального проекта не должна ограничиваться масштабами внутреннего рынка. Необходимо создавать монопольные факторы в мировом масштабе, т.е. в таком использовании особенностей российской экономики, территории, общества, которое позволит занять эксклюзивные ниши в системе глобального спроса.

Таковыми нишами могут быть новая энергетика (переход российского ТЭКа к экспорту продукта, а не сырья; малая атомная энергетика и т.д.); трансконтинентальный транзит; экологически ориентированное сельское хозяйство; экологический туризм; информационные технологии (производство эксклюзивного программного продукта); гуманитарные технологии (экспорт услуг обра-

зования (в случае успеха в построении новой образовательной модели и т.д.) (37).

Если, добавляет Т. Гурова, у России не будет программы развития высокотехнологичных отраслей за счет внутреннего рынка в любых сферах экономической деятельности, то, скорее всего, через десять лет технологически развитыми кажутся только крупные сырьевые компании, которые сегодня обладают достаточной финансовой мощью, чтобы вытеснять с рынка иностранцев. Прочие же компании, даже те, что сегодня находят и внедряют новые отечественные разработки, окажутся поглощенными иностранцами, так как сами финансово слабы, а государство не предлагает им никакой системы помощи и защиты (29, с. 48–49).

Как видно, единого взгляда на стратегию модернизации нет, однако можно выделить два основных подхода к этому вопросу.

Экономисты и политологи в основном являются сторонниками комплексной модернизации, затрагивающей не только экономику, но и общество и политическую систему, т.е. выступают за полный пересмотр парадигмы развития. При этом главными условиями модернизации России являются демократические преобразования: обеспечение независимости ветвей власти, многопартийная система, демонополизация сферы принятия решений.

Бизнес-сообщество вполне устраивает сложившийся в России проектный тип модернизации, в рамках которого в разных отраслях экономики иницируются проекты, в которых участвует не только бизнес, но и бюрократия, и политические власти при широкой экспертной поддержке: большинство крупных инновационных проектов, широко освещаемых СМИ, так или иначе связаны с государством.

Как понимает модернизацию население России

Что же думает о модернизации, одним из лозунгов которой является повышение уровня и качества жизни населения, само население?

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованным в декабре 2009 г., подавляющее большинство россиян не видели будущее модернизации. Почти 60% граждан не знали, какие общественные группы могут стать движущей силой инноваций, а еще 23% были уверены, что таких нет вообще.

Другие социологические опросы, проведенные в 2009 г., показали, что даже среди самых активных и состоятельных граждан всего около трети верили в то, что модернизационная кампания даст положительные результаты. Этот массовый скептицизм социологи объясняют тем, что граждане считают себя исключенными из общественных процессов модернизации. При этом, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), социальные инноваторы (группы с качественными образовательными, социальными и стабильными экономическими ресурсами) более пессимистично, чем все население в целом, оценивали возможные результаты модернизации и технологического обновления через год. Около 38% инноваторов не верят в позитивную динамику модернизации, тогда как среди населения в целом таких скептиков 27%. Еще 28% инноваторов затруднились с ответом, а 34% – надеются, что положительные изменения возможны в течение ближайшего года.

Говоря о конкретных путях модернизации, инноваторы советовали правительству сосредоточиться прежде всего на борьбе с коррупцией (33% опрошенных), развитии малого и среднего бизнеса (30%), развитии несырьевых отраслей экономики (22%), поддержке науки, научно-технического прогресса (17%) (6).

В 2010 г. ситуация несколько изменилась. По данным проведенного группой «Циркон» совместно с ОМІ Russia в июле 2010 г. опроса (1600 респондентов), 65% россиян выбрали путь модернизации, предпочтя ее стабильности. При этом 28% – отметили, что России никакие преобразования не нужны, главное – сохранить стабильность. Однако 61% россиян, опрошенных порталом Superjob.ru в сентябре 2010 г., уверены, что модернизация началась лишь на словах, а не на деле (41).

Неоднозначны и результаты первого общенационального социологического проекта, посвященного проблематике различных аспектов модернизации, проведенного Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте-апреле 2010 г. В опросе участвовали 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жители всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения (12, с. 4).

В первую очередь авторы выясняют, каково смысловое наполнение термина «модернизация» для россиян. Отмечается, что три четверти россиян относятся к этому термину положительно, а у четверти он вызывает скорее негативные чувства. Однако для

различных групп населения данный термин имеет совершенно разную смысловую нагрузку.

По данным опроса, 41% населения считают ключевыми идеями модернизации обеспечение соблюдения прав человека и равенства всех перед законом. Незначительно отстает по количеству сторонников вторая ключевая идея, которая, по мнению 38% россиян, могла бы лечь в основу модернизации в России – жесткая борьба с коррупцией. Третий наиболее распространенный вариант ответа – обеспечение социальной справедливости – набрал 31% голосов (12, с. 19).

Формирование эффективной инновационной экономики, отметил в качестве ключевой идеи для модернизации лишь каждый четвертый россиянин, хотя именно этот тезис чаще всего звучит на различных властных уровнях. Возможно, считают социологи, россияне понимают, что в сложившейся социально-экономической обстановке, при действующей институциональной системе становление эффективной инновационной экономики невозможно, и, соответственно, ставят во главу угла именно проблемы изменения самой этой системы (12, с. 21).

Комментируя эти данные, замдиректора Института социологии РАН Н. Тихонова отметила, что основной крик общества – «дайте нам правила, по которым можно жить!» «Борьба с коррупцией – это главное требование при решении всех вопросов по любым проблемам. Ни бедность, ни снижение доходов не вызывают столь эмоциональной реакции» (22).

При таком общественном запросе среди мер, которые, по мнению россиян, могут обеспечить проведение в стране успешной модернизации, первое место занимает искоренение коррупции. Эту меру отметили 49% россиян. На втором месте – повышение эффективности работы системы управления (36% опрошенных). В то же время меры, связанные с развитием демократии – учет руководителями мнения народа (25%), повышение общественно-политической активности граждан (9%) – называются россиянами гораздо реже (12, с. 22).

Что касается развития в стране демократических институтов, то большинство россиян сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался в конце 80-х – начале 90-х годов. Более того, по ряду позиций наблюдается даже некоторый рост значимости реальной выборности органов власти, многопартийности, свободы слова и печати, передвижения, включая выезд за рубеж, предпринимательства.

При этом в наибольшей степени демократические права и свободы востребованы активными слоями населения: молодежью, хорошо обеспеченными россиянами и, в особенности, группой респондентов с модернистским типом сознания. Та же тенденция просматривается и в отношении идеи демократии. Везде и всегда она в большей степени импонирует людям успешным. Россия в данном случае не исключение (12, с. 80).

В то же время россияне не связывают успешную реализацию «модернизационного проекта» ни с идеей демократии, ни с дальнейшим развитием демократических институтов. В перечне идей, которые могли бы, по мнению респондентов, стать основополагающими для модернизационного прорыва, идея демократического обновления общества занимает последнее место с 7% голосов поддержки. Необходимость синхронизации экономического и социального развития через расширение демократии, повышение общественно-политической активности граждан поддержал лишь каждый десятый опрошенный. Таким образом, россияне, не имея ничего против демократии, базовых прав и свобод, скептически оценивают возможность практического использования демократических принципов и институтов в обновлении страны, в обеспечении динамичного социально-экономического развития. Этот скепсис связан как с недавним прошлым, так и с сегодняшними реалиями (12, с. 81).

Если российский политический класс ориентирован на развитие классической модели демократии, ограниченной главным образом сферой политики и выборных процедур, то в представлении многих россиян, демократия – это система, ориентированная на идею общего блага. Ее эффективность определяется степенью влияния демократических институтов на политику властей, динамику уровня и качества жизни, социальную защищенность граждан, масштабы коррупции и т.п. Иначе говоря, россияне хотят иметь такую демократию, которая бы помогала им хорошо жить и хорошо зарабатывать (12, с. 82).

Отношение «капитанов» крупного российского бизнеса к демократии остается весьма утилитарным. Руководители крупных компаний – безусловные демократы, когда речь идет о необходимости освобождения бизнеса от попыток вмешательства со стороны властей, но создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях. Многие из них убеждены, что россияне должны работать больше, получать меньше и не роптать, когда их «выставляют» на улицу. Это подтверждается их требованиями уже

сточить трудовое законодательство, якобы с целью рационализации экономики в ходе ее модернизации (12, с. 88).

По данным компании «РБК», представители делового сообщества не связывают главную цель инновационной экономики с абстрактной моделью модернизации всех сфер жизнедеятельности общества. Они настроены более прагматично, считая, что ее идеей является создание высокотехнологичных и наукоемких производств (45,9%). И уже как следствие – усовершенствование всех сфер жизни общества (38,7%). Соответственно, термин «инновация» у них имеет технологический смысл и связывается, прежде всего, с внедрением современных технологий на производстве (55,0%) (44).

Вопрос о том, как должны в России проводиться те или иные реформы, в том числе модернизация – для общества в целом решен. Подобные задачи, и модернизация не является исключением, возлагаются гражданами на «верхи».

По данным исследования социального потенциала российской модернизации, проведенного ВЦИОМ совместно с Общественной палатой РФ в марте-апреле 2010 г. на примере ЮФО, и население, и эксперты (представители федеральных и региональных властей, местного самоуправления и бизнеса) видят главной движущей силой модернизации федеральные органы государственной власти (44 и 72% соответственно). Респонденты из числа населения в большинстве склонны полагать, что процесс модернизации должен осуществляться «сверху» (48%), а не «снизу» (28%) (42).

По мнению населения, лидерами среди социальных групп, способствующих модернизации, являются рабочие (их роль положительно оценили 83% опрошенных), что характерно для индустриально развитых стран, и крестьяне (73%). Заметно отстают от них, но все же выглядят в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и средний класс. Более проблематична роль военных и руководителей предприятий и фирм – лишь около половины населения нашей страны полагают, что эти группы способствуют ее развитию. Еще хуже ситуация с сотрудниками правоохранительных органов – хотя доля считающих, что они препятствуют развитию России практически равна доле рассматривающих их как способствующих ее развитию, последние составляют лишь около трети россиян. Бесспорным тормозом развития России 55% граждан считают государственных чиновников (12, с. 127).

Авторы приходят к выводу, что неготовность рассматривать в качестве главных «двигателей» развития интеллигенцию и средний класс свидетельствуют о неготовности общественного сознания к предполагающему развитие инновационных технологий модернизационному рывку в экономике. Негативное восприятие госчиновников и сотрудников правоохранительных структур при достаточно осторожной и даже противоречивой оценке руководителей предприятий и фирм говорит, по мнению авторов, о том, что россияне не видят в них социальных акторов, способных на практике организовать движение страны к выбранным идеалам развития, прежде всего из-за их коррумпированности (12, с. 130).

Тем не менее, авторы утверждают, что идея модернизации способна объединить большинство россиян. Граждане России в целом оптимистично воспринимают перспективы модернизации: значительное большинство россиян согласны с тем, что процесс модернизации выведет страну на новый, существенно более высокий, чем в прошлом и настоящем, уровень развития и благосостояния. Лишь один из каждых 5–6 опрошенных совсем не верит в позитивные результаты российской модернизации или считает, что ее эффект скажется не раньше, чем нынешняя молодежь приблизится к предпенсионному и пенсионному возрасту (12, с. 158).

При этом элиты и население по-разному понимают модернизацию. Так, фетиш нынешней российской элиты – связка инновационной экономики с наращиванием силы и могущества государства – включили в число самых важных идей модернизации менее четверти респондентов. Это всего лишь 4–5-е места в общем рейтинге приоритетов. Идущие с Запада либеральные идеологемы демократического обновления общества, расширения возможностей свободного предпринимательства и развития конкуренции, как и все то, что можно отнести к ценностному спектру националистически-имперского сознания (укрепление державной мощи, восстановление традиционных русских ценностей и др.), получили еще меньшую поддержку (12, с. 158).

Именно поэтому граждан страны очень волнует вопрос о специализации России в системе международного разделения труда: они озабочены сырьевой направленностью российской экономики, хотя именно экспорт углеводородов, леса и цветных металлов позволяет поддерживать существенно более высокий уровень жизни населения, чем в большинстве других постсоветских государств. Успешность модернизации в соответствии с представлениями россиян определяется способностью России зарабатывать не на при-

родных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта. Однако оценивая реальные перспективы развития российские граждане чаще говорят об «энергетической сверхдержаве», что плохо совмещается с задачами модернизации.

Полученные данные свидетельствуют и о том, что правительственные инициативы, направленные на оживление науки и развитие наукоемких технологий (усиление внимания к военно-промышленному комплексу, создание профильных корпораций типа «Роснано технологий» и др.), в обществе воспринимаются пока довольно скептически. Особенно неблагоприятно респонденты оценивают конкурентоспособность России в области образования, что, по-видимому, косвенно свидетельствует об озабоченности общества проводимыми в последнее время реформами образования (12, с. 159).

Проведенный опрос показал, что в настоящее время почти половина россиян (около 47%) согласны с тезисом о том, что России подходит не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Отвергает это утверждение четверть опрошенных. Но преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа – примерно с 30 лет. В то же время у многих россиян указанная дилемма вызывает затруднения. Доля не определившихся в этом вопросе в целом по выборке доходит до 28% (12, с. 160–161).

Немалую роль в неприятии россиянами западного опыта и западных ценностей сыграли, с одной стороны, внешнеполитические факторы (расширение НАТО, военная акция против Сербии, поддержка некоторых антироссийских сил и режимов и др.), а с другой – россияне убедились, что они коренным образом расходятся с Западом в понимании модели модернизации России. Акцент на проблематику демократии, создание «благоприятного инвестиционного климата» и выращивание в России инфраструктуры лояльных к Западу структур не пользуется сочувствием основной массы россиян. Они хотели бы сотрудничества в области производства знаний и технологий, к которому западные партнеры не проявили практически никакого интереса. В итоге за последние годы в российском обществе сложилось устойчивое мнение, что европейцы относятся к своему восточному партнеру чисто прагматически, причем – в самом узком и приземленном смысле этого слова. Мало кто из респондентов полагает, что европейцев могут заинтересовать интел-

лектуальные достижения и культурный потенциал России или ее способность играть роль противовеса глобальной гегемонии США, но почти 60% – убеждены в том, что по-настоящему им нужны только российские природные ресурсы (12, с. 161).

Отвечая на главный вопрос исследования – готово ли российское общество к модернизации – авторы говорят: да, в российском обществе есть довольно значительный модернизационный потенциал. Однако его объем и характер его локализации, особенности национального менталитета, сложившаяся в России система социальных институтов и всепроникающая коррупция делают задачу реализации этого потенциала более чем непростой (12, с. 178). Это следовало бы учитывать и экспертам, и политикам при реализации модернизационного проекта.

При этом многие эксперты, весьма скептически оценивая возможности реализации модернизационного проекта, считают, что главными сдерживающими факторами модернизации являются высокий риск, коррупция, кумовство, конфликт интересов, низкий потенциал административного управленческого аппарата и сопротивление бюрократии, недостаток квалифицированных кадров на всех уровнях и фактическое отсутствие гарантий прав собственности (25).

Проблемы с реализацией модернизационного проекта, скорее всего, понимает и сам президент. В интервью руководителям трех федеральных каналов в декабре 2010 г., фактически подводя итоги проделанной работы, президент отметил, что уже есть ряд достижений в сфере модернизации экономики, но «их немного» (26).

Именно поэтому, судя по многочисленным публикациям, экспертное сообщество упорно пытается донести до президента мысль о том, что пора от слов переходить к делу. Это связано не только с затянувшимся выходом из кризиса, но, и главным образом, с началом нового электорального цикла. Как считают некоторые эксперты, не позднее весны 2011 г., когда практически стартуют выборы в Госдуму, необходимо принять окончательные решения о стратегии дальнейших действий в рамках электорального цикла 2011–2012 гг. Сами эти решения с учетом новых конституционных сроков полномочий Президента РФ и Государственной думы РФ будут задавать общий контур развития страны как минимум до 2018 г. (31).

«Если и в 2012 г. тот, кто станет президентом, будет так же 2–3 года оглядываться, смотреть, как и что, или решать только сиюминутные проблемы, то о модернизации можно забыть. Что, в

свою очередь, может обернуться совершенно неконтролируемыми последствиями». Поэтому сегодня необходимо принять некое стратегическое решение, поскольку любое, даже ошибочное решение лучше неопределенности (9).

Список литературы

1. Аузан А.А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 136–137.
2. Белкин В., Стороженко В. Желаемое и возможное // Прямые инвестиции. – М., 2010. – № 4. – С. 8–14.
3. Белоусов Д.Р. Макроэкономический срез научно-технологического прогноза. – М., 2010. – 19 с. – Режим доступа: <http://www.iacenter.ru/publication-files/25/23.pdf?442%20Kb>
4. Белоусов Д.Р. Стратегии модернизации // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 138–140.
5. Бокарев Ю. Теории модернизации и экономическое развитие. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/misl/idea/teorii_modernizacii_i_ekonomicheskoe_razvitije_2010-04-13.htm
6. Большинство граждан России не верит в модернизацию. – Режим доступа: <http://nauka21vek.ru/archives/5473>
7. Бызов Л. Модернизация – российский вариант (тезисы к программе исследования). – Режим доступа: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/discussion/document12507.shtml
8. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов. – Режим доступа: <http://www.glazev.ru/scienexpert/84/>
9. Гонтмахер Е. Модернизация в социально-политическом контексте. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1305000.html>
10. Гонтмахер Е. Модернизация: Промежуточные ответы. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/17/225955>
11. Городецкий А.Е. Модернизационный проект для России. – Режим доступа: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=1>
12. Готово ли общество к модернизации: Аналитический доклад. Институт социологии РАН. – М., 2010. – 178 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html
13. Гринберг Р.С. Осуществима ли российская модернизация ? // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 144–146.
14. Дискин И. Кризис... И все же модернизация! – Режим доступа: http://royallib.ru/book/diskin_iosif/krizisi_vse_ge_modernizatsiya.html

15. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
16. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. – Режим доступа: <http://econom.nsc.ru/ieie/smu/conference/articles/%D0%95%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.doc>
17. Иноземцев В. Анти-Юргенс». – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/anti-yurgens_14917
18. Иноземцев В. Что и как модернизируем? – Режим доступа: <http://inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub2&pr=107&id=1154>
19. Как строить модернизационную стратегию России? Публичное обсуждение. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2008/03/18/sigma.html>
20. Коалиции для будущего. Стратегии социально-экономического развития России. Избранные тезисы сетевого экспертного проекта СИГМА. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2008/02/08/sigma.html>
21. Коалиции для будущего: Стратегии развития России / Коллектив экономистов «СИГМА». – Москва: РИО-центр, 2007. – 112 с.
22. Куликов С. Госаппарат – главный тормоз модернизации. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-06-09/1_modernize.html
23. Литвинова А. Враги модернизации. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/30/focus/514701>
24. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего и модернизация России. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/9/ma13.html>
25. Медведев Д. Выступление на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/8887>
26. Медведев Д. Если модернизация не удастся, следующая попытка станет дороже. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/news/2010/12/24/554819-medvedev-esli-modernizatsiya-ne-udastsya-sleduyuschaya-popyitka-stanet-dorozhe.html>
27. Михаленок О. Модернизация: теория и политика. – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-04-28/modernizatsiya-teoriya-i-politika.html>
28. Модернизация российской экономики: Структурный потенциал / Куренков Ю.В., Петров В.К., Кондратьев В.Б. и др.; Отв. ред.: Иванова Н.И.; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М., 2010. – 228 с.
29. Модернизация экономики России: от теории к практике: Доклад для Мирового политического форума. Ярославль, 2010 год. – М., 2010. – 129 с.
30. Николаев И. Просчет с модернизацией. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2010/03/17_x_3339614.shtml
31. Орлов Д., Бадовский Д., Виноградов М. Консервативная модернизация – 2010: конфигурация власти и новая политическая повестка дня: Аналитический доклад. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1241073.html>

32. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации. – Режим доступа: http://members.tripod.com/VM_Polterovich/Crisis_VoprEco_Polterovich_2009.pdf
33. Полтерович В. Модернизация – это творческий процесс. – Режим доступа: http://www.expert.ru/2010/07/5/modernizaciya_tvorcheskij_process/
34. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 4–24.
35. Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 158–161.
36. Полянский А. Александр Шохин: Модернизация – это новая модель экономики // Бизнес: организация, стратегия, системы (Босс). – М., 2010. – Март. – С. 18–25.
37. Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства: Независимый экспертный доклад. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>
38. Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 288 с.
39. Российским властям предложили три пути модернизации страны. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/news/8838.html>
40. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – 66 с.
41. С «айфоном» рай в шалаше. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=161072>
42. Социальный потенциал модернизации в Южном федеральном округе. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13405>
43. Стенограмма обсуждения доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра». – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/root/pressa/russ_xxi/Stenogr.pdf
44. Так кто же мешает модернизации? – Режим доступа: http://www.rusline.ru/news_rl/2010/10/01/tak_kto_zhe_meshaet_modernizacii/
45. Тамбовцев В.Л. Из разных видов модернизации придется выбрать. – Режим доступа: http://www.ng.ru/scenario/2010-09-28/11_institutes.html
46. Фрейнкман Л. Сравнительная экономика: Недогоняющее развитие. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/02/04/140923>
47. Чекмарев Э. Теории модернизации и современная Россия: Историография проблемы // Обозреватель-Observer. – М., 2009. – № 9. – С. 16–22.
48. Шаг вперед, два назад. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1339085.html>
49. Штомпка П. Социология социальных изменений. – Режим доступа: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/20568/20633/>; <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/20568/20629/>